

Лана Фурман

Красная Грива
две души

Красная Грива

Лана Фурман

Красная Грива. Две души

«Автор»

2026

Фурман Л.

Красная Грива. Две души / Л. Фурман — «Автор»,
2026 — (Красная Грива)

В Красной Гриве даже мёртвые не всегда уходят до конца, а прошлые жизни могут оказаться ближе, чем собственные воспоминания. После событий лета я думала, что самое страшное уже позади. Я приняла свою силу, снова обрела Дару и научилась видеть то, что скрыто от других. Но зима приносит новые вопросы. Почему наши с Дарой души связаны? Кем была Анна, её первая хозяйка? И почему всё чаще мне кажется, что чужая судьба отзывается во мне как собственная? Пока деревня готовится к колядкам и древнему обряду четырёх стихий, старые тайны начинают выходить наружу. Зависть, страх, любовь и обиды, которые годами копились в сердцах людей, требуют ответа. А мне снова приходится быть той, кто слышит мёртвых, видит правду и платит за силу собственными чувствами. В романе есть: Подростки в русской деревне Славянские боги и сила стихий Разговоры с мёртвыми Ревность, первая любовь и доверие Колядки и древние обряды Семейные тайны, вина и прощение Связь двух душ, протянувшаяся через века

© Фурман Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Четвёрка жезлов.	5
Глава 2. Юленька.	10
Глава 3. Ветер, слухи и печенье.	16
Глава 4. Сестринство.	19
Глава 5. Тетрадь Ярины.	22
Глава 6. Девочка на сцене.	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Лана Фурман

Красная Грива. Две души

Глава 1. Четвёрка жезлов.

Если лето принадлежит Красной Гриве, то зима в городе — мой тихий рай. Снег хлопьями, огни гирлянд, ранние сумерки. Люблю вечерние прогулки, даже несмотря на слякоть под ногами.

Заснеженная, почти безлюдная улица на окраине города убаюкивает своей тишиной. Дара, как всегда, рядом. Она шагает, но босые ноги не касаются земли — очертания стоп тают в сантиметре от снега, ведь земная твердь не для неё. Сейчас я точно знаю: она — дитя Сварога, а Земля — чужая для неё стихия. Эти силы не враждуют, но противоположны: от снега под ногами веет холодом, а от Дары — всегда исходит тепло.

Мысли прерывает одинокая сгорбленная фигура в сером пальто. Она поворачивает прямо на проезжую часть, где нет перехода. На секунду теряюсь, не понимая, а Дара уже смотрит на меня, в ожидании моего решения.

— Стойте! — поскальзываюсь, но делаю рывок вперёд. Фигура замирает в самом центре проезжей части, не замечая несущихся на неё машин.

Не решаюсь выскочить на дорогу, только кричу изо всех сил:

— Уйдите с дороги! — Сердце колотится в предчувствии беды.

С поворота вылетает машина. Я замираю с открытым ртом, в голове проносятся варианты: броситься под колёса? Истерично махать водителю, чтобы остановился? Но в этот момент незнакомка оборачивается — и я вижу лицо старушки, которая улыбается мне. А в следующий миг машина проходит насквозь, как через дымку. Призрачная старушка так и остаётся на своём месте.

Сначала мозг отказывается осознавать произошедшее, но через пару секунд накатывает волна облегчения. Я снова не распознала, что передо мной не живой человек. Призрак смотрит на нас с Дарой, кивает и продолжает свой путь, медленно удаляясь по другой стороне улицы.

У меня подкашиваются ноги от страха, который сейчас уходит, оставляя слабость в теле. Дара всегда знает, когда нужно действовать. Почувствовав мою дрожь, она прикладывает ладонь к моей груди — и всего за несколько секунд тревога отступает, сменяясь привычным теплом.

Она почти не говорит. С того дня, как я забрала её из развалин, Дара произнесла всего несколько слов.

«Кошка». Это было первое. Спустя недели две после возвращения из Красной Гривы, когда я выходила из подъезда, она увидела соседского кота. Я тогда обрадовалась, думала, что она теперь заговорит, как раньше. Но она снова молчала.

«Неприемлемо». Это случилось осенью, на уроке физики. В окно был виден мужчина, который справлял нужду прямо у дерева, под которым на перемене сидели две девочки с учебниками. Дара, сложив руки на груди, чётко произнесла: «Неприемлемо».

«Анна». Это она сказала однажды перед сном, заметив родимое пятно у меня на бедре, пока я переодевалась. С тех пор — ни слова.

В глазах Дары читается понимание, куда более глубокое, чем простое знание. Она не говорит, но всё видит — и окружающий мир, и то, что скрыто внутри людей. Мне не приходится гадать о её мыслях — мы связаны тоньше слов.

Она не только помогает справляться с тяжёлыми эмоциями, страхами, сомнениями. Дара чувствует опасность издалека. Поэтому я не боюсь гулять одна, даже в парке поздним вечером. Ей не нужно ничего говорить: она либо мягко направляет меня в сторону, либо во мне вдруг рождается её тревога.

Однажды, во время очередной прогулки, я внезапно почувствовала ледяной ужас — беспричинный, сжимающий горло. Обернувшись к Даре, я встретила её пристальный взгляд и безмолвный приказ свернуть в ближайший переулок. И лишь отойдя на приличное расстояние, услышала оглушительный грохот. С той улицы, где я только что стояла, доносились визг шин и пьяные крики — машина с подвыпившей компанией врезалась в столб как раз в том месте, откуда Дара отвела меня за несколько мгновений до аварии.

Школьная столовая. Оглушительный шум, хлебные мякиши, пулей пролетающие над головами. Моё самое нелюбимое место в школе. Воздух пропитан запахом жирного борща и дешёвых сосисок. Видно, что всем остальным здесь весело, а я своей эмпатией впитываю в себя весь этот коктейль из чужих энергий — восторг, скуку, злость, гормональный всплеск. Мне не хочется выглядеть странной, отдаляться от своих подруг, поэтому я регулярно слеую за ними в это ненавистное пекло. Правда, потом приходится подолгу гулять в полном одиночестве, чтобы по кусочкам собрать себя заново.

— Ну что, как там твой загадочный художник? — спрашивает Полина, как всегда, с нарочитой невинностью, но в глазах — живой, неподдельный интерес. Её вообще интересуют любые отношения, если они касаются темы любви, романтики или флирта. Для неё это лучший сериал.

— Как обычно, пишет мне, рисует меня — отвечаю, отодвигая тарелку с остывшим супом.

— Отношения с художником, — протягивает Поля, снимая свою ветровку и бросая её на спинку стула. Она не замечает, как рядом со мной, вернее с Дарой, всем становится жарко, и они один за другим снимают верхнюю одежду, хотя те, кто сидят чуть дальше, могут ежиться от холода и зябко потирать руки.

Дара в таком месте никогда не проявляется, слишком людно. Не рискует. Ведь мы не знаем, кто может обладать способностями видеть её. Она здесь — лишь смутное давление в воздухе, сдвиг в температуре и моё внутреннее знание, что я не одна.

— Так вы виделись на прошлых выходных? — не унимается Поля, заглядывая мне в глаза.

— Виделись, правда недолго, — отпиваю глоток удивительно вкусного компота из стеклянного стакана. Сладкая прохлада разливается по горлу, на мгновение смывая вкус столовой пищи.

— А чего так? — Поля делает то же самое и оценивающе разглядывает стакан, будто пытаясь определить секрет рецепта.

— У него слишком много домашки. Они там всей общагой по ночам рисуют, лишь бы успеть всё сдать. Это он ещё сильно подставился, выделив мне всего пару часов на встречу. И то, полтора из них мы просто бродили по снежному парку, общались.

— Целовались? — Вопрос Полины, заданный с невозмутимым видом, заставляет меня подавиться вкуснейшим компотом. Он идет не в то горло, вызывая приступ кашля.

— Всё-то тебе надо знать, сплетница! — я заливаюсь смехом, краснея и откашливаясь одновременно, а её хитрющая улыбка на загорелом лице становится ещё шире от моей реакции. Она добила своего, выудила ещё одну крупницу из моего личного романа для своей коллекции.

Громкий взрыв смеха с другого конца столовой заставляет нас обоих повернуться. Кажется, сегодня здесь народу куда больше, чем обычно. Воздух гудит от десятков одновременных разговоров, а столы у дальней стены заняты незнакомыми ребятами в форменных жилетах.

— Что происходит? — переспрашиваю у Поли, чувствуя, как нарастает знакомая тревога от этого скопления людей.

— А, это кстати, снова из универа зазывалы приехали, а к ним и учеников с других школ привезли — на экскурсию и на выступления, — объясняет Полина, с интересом разглядывая новые лица. — Не хочешь сходить послушать?

— Нет, не сегодня, — морщусь я от одной мысли об этом.

— Тогда идем, если ты всё, — Поля указывает на мой полупустой стакан компота.

— Всё, — отвечаю, отодвигая стул.

Мы проходим по коридору, где подростки помладше, пока не чувствуя укора от сверстников, что должны вести себя как-то иначе, занимаются паркуром и скачут по стенам, притворяясь ниндзя. Они даже не видят, кто у них на пути — старшеклассник или учитель, — и то и дело приходится уворачиваться. Это похоже на коридор препятствий, где каждое движение должно быть выверенным.

Остановившись у нашего кабинета, я чувствую, что на этот раз утомилась сильнее, чем обычно. Голова гудит от многоголосия, впитанного в столовой. Но в современном обществе не принято избегать людей и пропускать школу — приходится терпеть, даже когда каждое прикосновение взгляда отзывается легкой болью.

Я то и дело пропускаю мимо ушей то, что продолжает мне говорить Полина про какого-то новенького парня Андрея. Вижу лишь боковым зрением, как Дара стоит рядом, придавая мне сил и согревая теплом у ледяного окна.

Но тут я словно вырываюсь из сна. Тепло резко сменяется ледяным уколом тревоги — это не моя тревога. Вижу, как пальцы Дары сжимаются, и её бездонные голубые глаза пристально устремлены на меня. В чём дело?

Поворачиваю голову вслед за её взглядом.

Она смотрит на незнакомую девушку со светлыми волосами, собранными в косичку и растрепанной чёлкой. Её лицо мне кажется смутно знакомым. Та стоит в паре метров от нас, не отрываясь глазеет то на меня, то на Дару.

Поверить не могу.

Она видит её?

Поглядываю на Дару, в надежде, что она что-то скажет или сделает. Я не знаю, как вести себя в ситуации, когда кто-то с диким взглядом и сжатыми челюстями уставился на тебя. Но Дара, как всегда, молчит. Она застыла, но от неё исходит такое напряжение, что воздух вокруг звенит.

— Юль, ты идёшь? — окликает светловолосую девушку её подруга, бросая на нас настороженный взгляд.

— Мы знакомы? — решаюсь спросить я, надеясь, что атмосфера вокруг наконец станет более ясной.

— Нет, — отвечает эта Юля, и в её голосе звучит такая неприкрытая злость, что я невольно отступаю на полшага. — Но я тебя знаю, — продолжает она и теперь я чувствую опасность, которую излучает для меня Дара.

Всматриваюсь в голубые глаза незнакомки, пытаюсь понять, что она от меня хочет, и вдруг вижу... Артёма. Слишком близко, с улыбкой на лице. Яркие, как вспышка, образы проносятся в моём сознании. Кто она? Я отшатываюсь, не ожидая увидеть такое. Она знает Артёма? Это кто-то из его факультета?

Наконец, она отступает, когда её подруга решительно тянет её за рукав, и только сейчас я замечаю, как вокруг столпилось ещё больше народу. Камеры смартфонов нацелены на нас, в ожидании девчачьих разборок.

— И кто это был? — спрашивает Поля, когда незнакомка скрывается за поворотом, а толпа медленно, с разочарованием начинает расходиться.

— Я впервые её вижу, — отвечаю честно, но продолжаю украдкой поглядывать на Дару. Та всё ещё полна тревоги, но не может сказать мне, из-за чего. Она лишь смотрит в пустоту там, где только что стояла девушка, и её безмолвие пугает куда больше, чем та злоба.

— Дара? — лежу на кровати и бросаю слова в пустоту, пока она не проявляется у изножья. — Пожалуйста, поговори со мной. — Голос дрожит, я так устала от её тишины, мне до боли не хватает наших старых разговоров, а она всё время ранит меня своим молчанием.

На мою просьбу Дара медленно садится рядом, и указывает на телефон, который я бросила на одеяле.

— Что ты хочешь, чтобы я сделала? — Ком подкатывает к горлу, я вот-вот сорвусь на плач от тоски по той, старой Даре, что вела со мной диалоги. Но она лишь снова смотрит на телефон, и я покорно беру его в руки. Экран загорается, освещая её неподвижное лицо, и я поворачиваю его к ней, ожидая дальнейших указаний. Она медленно, почти церемонно, указывает на лицо Ники на моей заставке. Любимое фото: наше трио, счастливое и беззаботное, в поле из жёлтых лилий.

— Хочешь сказать, что Ника знает ту девчёнку? — начинаю понимать её намёки.

Дара кивает, и взгляд пронзает меня насквозь, цепляясь за самую душу.

Набираю номер Ники. Палец дрожит — непривычно, ведь обычно мы днями переписываемся голосовыми.

— Ало? — Ника явно удивлена. — Что-то случилось? Ты обычно не звонишь... — Она мгновенно начинает беспокоиться, и в голосе слышится напряжение.

— Ника, привет. Слушай, ситуация странная, но ты случайно не знаешь девушку с голубыми глазами и светлыми волосами? Не уверена, но, возможно, она знает Артёма... — Осознаю, как глупо это звучит. Таких девушек может быть сотня.

— А поконкретнее? Можешь просто рассказать, из-за чего у тебя такие вопросы? — Я вдруг представляю, как Ника лежит на кровати, болтая ногами в воздухе и держит в руках домашний красный стационарный телефон, как в фильмах двухтысячных. Игриво прокручивает в пальцах спиральный шнур от трубки, и улыбка тут же проступает на моём лице сквозь тревогу.

Выкладываю все детали встречи, не утаивая даже реакции Дары. Как же приятно говорить без утайки, не скрывая мистических деталей.

— Вот оно что... — выдаёт Ника после паузы. — Я знаю, кто это был.

Я перестаю дышать, ожидая продолжения.

— Это Юля, бывшая Артёма. Но думаю, злится она не из-за него...

Я молчу, вдавливаясь в подушку, слушая тишину в трубке, которая становится всё тяжелее.

— Ау, Саш, ты тут?

— Тут, — голос кажется чужим. — Ты думаешь... она знает о том, что случилось с её домом на самом деле?

— Думаю, да, — отвечает Ника после пары секунд раздумья. — Иначе с чего бы ей так реагировать на тебя?

— Думаешь, если мы с Артёмом приедем в Гриву этой зимой, то нас ждут разборки?

— Артёма? Не думаю. Но вот если эта Юлька тоже приедет... то тебя, возможно, и ждут, — она отчего-то хихикает в трубку. Её это явно не пугает, а лишь будоражит. А я думаю о том, что долгожданные каникулы у бабушки снова могут окунуть меня в водоворот разборок местных жителей и мистических событий любимой деревни. И снова покоя не видать.

— А тебе не кажется странным, что она видела Дару? — спрашиваю, вглядываясь в потолок и бессознательно ища в её голосе поддержки и подтверждения, что я не сошла с ума.

— Ну... На самом деле не очень, — отвечает Ника, и в её голосе снова появляется игривая нотка, предвещающая какую-то пикантность. — По крайней мере, это объясняет кое-что. — Она явно наслаждается моментом и ждёт моего вопроса.

— Что объясняет? — поддаюсь на провокацию, уже предчувствуя, куда она клонит.

— То, что в ней нашёл Артём! — она фыркает прямо в трубку, и я слышу, как скрипит её кровать. — По крайней мере, ясен его тип — парню нравятся только ведьмы! Ха-ха!

Ника так заразительно и заливисто смеётся, что я не могу устоять и через секунду уже хохочу вместе с ней.

— Дара так и молчит? — спрашивает Ника, когда наш смех затихает.

— Молчит. Я и свечи жгла, думала, может, ей огонь поможет. Даже костёр на улице развела из веток и щепок. — Вздыхаю. — Думаю, ей просто нужно домой. В Красную Гриву.

В трубке — тишина на пару секунд. Потом Ника решается:

— Хочешь, на Таро разложу?

— Что именно?

— Спросим, что ей нужно, чтобы заговорить.

Я слышу шорох — кажется, Ника тасует колоду. Минутное ожидание, её задумчивое хмыканье — и внутри у меня разгорается любопытство.

— Ты права! — восклицает она.

— Что там?

— Выпало две карты: Четвёрка Жезлов и Мир. Дом, родная земля. Это не совпадение, Саша! Я точно знаю! Её нужно домой. Только здесь она снова заговорит.

В ответ на Никины слова — Дара, до этого сидевшая неподвижно и безучастно, впервые за долгое время улыбается. Не просто легонько изогнутые губы — она расплывается в широкой, почти человеческой улыбке, мечтательной и немного отстранённой. Будто уже пробует на вкус то, что должно случиться, предвкушает возвращение. Это длится всего несколько секунд, но этого достаточно, чтобы внутри меня разлилось тихое изумление — а следом, где-то под рёбрами, загорелась надежда.

Глава 2. Юленька.

— Ну, как дела? В школе? На работе? — начинает мама, как всегда, одновременно обращаясь ко мне и к папе, пока её вилка мягко разрезает запечённую картофельную дольку.

— Всё как обычно, Мариш, — папа отвечает своей стандартной, умиротворяющей фразой, даже не отрываясь от тарелки. Он явно устал, но это спокойная, привычная усталость.

— А к нам сегодня приезжали из университетов, зазывали поступать, — выдаю я первое, что приходит в голову, помимо истории с Юлей, и сразу чувствую на себе мамин внимательный взгляд.

— О, как интересно! — она наклоняется вперёд, а глаза загораются деловым любопытством, которое не исчезло даже после увольнения. — И что рассказывали? Может, уже что-то присмотрела?

— Не-а, — пожимаю плечами, ковыряя вилкой в салате. — Пока что нет.

Мама тихо вздыхает, но не настаивает. Её взгляд на секунду становится отстранённым и она снова принимается за картофельные дольки.

Я откусываю кусочек ароматного филе и смотрю в окно, где уже давно стемнело. До поездки в Гриву я была уверена, что пойду по стопам родителей — в IT, в логичный мир кодов и алгоритмов. Это казалось правильным, безопасным путём. Теперь же эта мысль кажется чужой, как невыносимо тесная одежда. С каждой неделей, проведённой с Дарой, с каждым разом, когда я чувствую, как её тепло проникает в меня и успокаивает тревогу — я понимаю яснее. Мой дар... Наш дуэт может помочь людям. Возможно, моё дело — не в создании новых систем, а в исцелении уже существующих. Не в строках кода, а в живых людях, в их боли и страхах.

Может, лучше посоветоваться с бабушкой, когда мы с Артёмом приедем в Гриву через несколько дней. Не по телефону, а там, на её кухне, под тиканье старых часов. С этой мыслью я смотрю за мамину спину, в дверной проём, где стоит Дара.

— Ну вот опять! — мама оборачивается, хотя, конечно, знает, что никого там не увидит. — Куда ты опять смотришь, Саш?

— Да никуда, это просто привычка, мам, — отнекиваюсь я, как всегда, и утыкаюсь в тарелку.

— Привычка, ага, — бурчит мама, вытирая рот салфеткой. — Прямо как твоя бабуля. Вы меня до чёртиков доведёте.

Папа многозначительно вздыхает, привыкший к нашим перепалкам за столом. Его вздох означает: если мы не прекратим, он уйдёт в гостиную и будет ужинать перед телевизором.

— Ну что, пришло время тебе признаться... — Артём произносит это, глядя куда-то поверх моей головы, на темнеющее небо. Он выглядит чуть смущённым. Вокруг нас толпятся люди, кутаются в шарфы, дышат паром и ждут своего автобуса, ровно как и мы наш — до Гривы.

— В чём признаться? — подыгрываю я, хотя по его лицу уже всё понятно.

— В том что... сегодня у меня день рождения, — он наконец выдыхает, и я открываю рот, намеренно преувеличивая удивление.

— Сегодня? Серьёзно? Тридцатого декабря? — Я знала, что этот день настанет. Он упрямо отшучивался все эти месяцы. Поклялся, что скажет только в самую последнюю минуту, чтобы я ничего не дарила и не устраивала праздника. Но он не знал, с кем связался. Его пода-рок я уже давно носила с собой — на такой вот случай.

— Тогда у меня для тебя кое-что есть! — объявляю я, и рука ныряет во внутренний карман куртки, туда, где лежало что-то маленькое, твёрдое и тёплое от затаённого ожидания.

— Чего? Как ты... — он не успевает договорить, его тёмные глаза расширяются от изумления, когда мои пальцы находят то, что искали. На черном шнурке висит маленький тигр. Не нарисованный, а вырезанный из тёмного, почти чёрного дерева. Каждая полоска, каждый мускул знакомы до боли — это точная, только в миниатюре, копия тигра на воротах его дома. Тигра, что когда-то нарисовал его отец.

Пальцы Артёма, холодные от декабрьского воздуха, осторожно, почти с благоговением, принимают брелок. Он переворачивает его в руках, проводит большим пальцем по гладкой, тщательно отшлифованной спине.

— Где ты...?

— Ну, я конечно сама бы такой не сделала — тихо признаюсь, наблюдая, как он изучает каждую черточку, нахмурив брови. — Заказала у одного мастера. По фотографии. Думала... тот, на воротах, он ведь когда-нибудь сотрётся. А этот... — я делаю паузу, давая ему понять. — Этот останется с тобой настолько, насколько ты сам захочешь.

Артём ничего не отвечает. Я и не ждала от него бурной благодарности, но в его глазах что-то гораздо глубже и тише — молчаливое, полное признание того, что я не просто подарила ему безделушку. Я вернула ему кусочек добрых воспоминаний об отце. Я сомневалась, но попала в точку.

— Спасибо, — наконец произносит он, и это слово звучит веселее любых длинных речей.

В этот момент подъезжает наш автобус, и толпа оживляется, сдвигаясь вперёд. Артём, не отпуская брелок, быстрым, почти незаметным движением прячет его во внутренний карман своей куртки, прямо у сердца.

Наши места — в самом конце автобуса. Удобный трон, открывающий обзор на всех входящих. Но даже не будь этого преимущества, я бы всё равно ощутила уже знакомую тревогу, сжимающую живот. В ожидании неизбежного, я начинаю кусать губы и цепляться взглядом за каждого входящего.

Голубые глаза и пушистые светлые волосы, торчащие из-под серой шапки, я нахожу сразу.

Юля.

Бывшая Артёма.

Ведьма.

И она тоже сразу замечает меня. Нас с Артёмом — мою руку поверх его, на общем подлокотнике.

— Эй, вы проходите? — раздражённый голос женщины в меховой шапке разрезает напряжённую тишину на входе. Она ждёт, пока Юля сдвинется с прохода. Пальцы Артёма разжимаются, и моя рука остаётся в пустоте. Вот чего я действительно не ожидала.

Юля проходит в поисках своего места, а я цепляюсь за подлокотник, мысленно выталкивая её подальше. Ряд за рядом. Она приближается, минуя пустые сиденья, и с каждым шагом моя надежда тает. Ещё три ряда. Два.

Она останавливается через одно сиденье от нас — не рядом, но и не далеко. Достаточно, чтобы чувствовать. Бросает ещё один короткий, колющий взгляд в нашу сторону, затем резко отворачивается, натягивая наушники. Их серебристый блеск ловит свет фонаря и на секунду ослепляет, словно вспышка камеры, фиксирующая этот неловкий момент.

Артём набирает в грудь воздух, чтобы что-то сказать, но, повернувшись, видит мою грустную улыбку и замирает. В его глазах — немой вопрос.

— Да я знаю, кто это, — тихо отвечаю я, прежде чем он успевает спросить.

— Ох, ничего не скрывать от маленькой ведьмы, — с облегчением выдыхает он, и его плечи чуть опускаются.

— Но мою руку не обязательно было выпускать, — я слегка, наигранно отворачиваюсь к виду за окном, хотя на самом деле это маленькое отступление и правда кольнуло где-то глубоко внутри.

— Извини, — слышу его шёпот. Его ладонь снова находит мою, накрывает её сверху, и пальцы крепко, с извиняющейся настойчивостью, переплетаются с моими. Тепло возвращается. В этой хватке нет неуверенности, нет страха. Есть только твёрдая, безмолвная благодарность. Благодарность за то, что не нужно объяснять. За то, что я уже всё вижу, всё знаю. Для него, человека, который скорее нарисует чувство, чем назовёт его, — такая тишина между нами дороже любых слов.

Слишком близко сидит эта Юля. Я не смотрю на неё, но всю дорогу ощущаю её раздражение — колючее, как репейник. То ли из-за Артёма, то ли из-за сгоревшего дома, а может, всё вместе. Не знаю, как бы я сама отреагировала на ведьму, что спалила мой дом, но явно не с цветами. Интересно, понимает ли она, что Огонь Сварога был очищающим? Что теперь в её доме, наверное, стало тише? По крайней мере, так говорила бабуля. Я там ни разу не была.

После нескольких остановок в паре поселений по пути, в салоне остаётся горстка людей. Ехать ещё около часа, и я заставляю мысли течь в обход — мимо пепелища, возможных проблем и её лица. Смотрю в окно, считаю столбы, вникаю в рокот мотора — лишь бы не думать.

— Эй, — шёпотом обращаюсь к Артёму, который уже начал клевать носом.

Он медленно поворачивает ко мне лицо, в глазах — усталая пелена.

— Как думаешь, Нике понравится тот факт, что у каждого в нашей троице есть цифра три в дате рождения?

Артём на секунду отводит взгляд в потолок и начинает перечислять:

— У меня — тридцатого декабря. У тебя — двадцать третьего ноября. А у Ники... — его губы складываются в трубочку, вспоминая.

— Третьего сентября, мы созванивались втроем по видеосвязи, — уточняю я.

— Да уж. Только она-то не знает, когда у меня день рождения.

— Вот блин! Ты же не запретишь мне говорить об этом? Она будет в ярости, если узнает, что мы скрывали.

Артём с тихим смешком машет ладонью, как бы говоря: да говори уж, если хочешь.

— Главное, чтобы она не стала мне праздник устраивать. Иначе я перестану с ней общаться.

Я улыбаюсь его наивности. Перестать общаться с Никой? Этот живой фейерверк найдёт тебя даже в самой глухой тайге и заставит полюбить воздушные шарик. А если не заставит — будет подкалывать до ста лет.

За окном проплывают последние однообразные поля, и их сменяет частокол высоких, тёмных елей. Они встают по обе стороны дороги, как молчаливая стража, встречающая своих. В отражении на стекле, рядом со мной проявляется Дара. Её широкие голубые глаза жадно впитывают мелькающие стволы. Она кажется взволнованной — не тревожно, а как бывает, когда после долгой разлуки видишь что-то бесконечно родное.

Я наблюдаю за её отражением, за тем, как тени от проносящихся деревьев скользят по её лицу, и не могу сдержать улыбки.

На улице уже совсем темно, хоть и только половина девятого. Глубокая ночь чувствуется за окнами, когда автобус наконец вползает в Гриву. Он останавливается у Дома творчества на Главной, и оставшиеся пассажиры медленно тянутся к выходу. Юля, будто забыв о нашем присутствии, выскальзывает первой. Даже не взглянув, растворяется в темноте за дверью. Мы же не спешим, пропуская всех вперёд.

Медленно проходя по опустевшему салону к выходу, я разглядываю заледеневшее окно. Контур знакомой фигуры за стеклом заставляет сердце замереть. Катерина Петровна. Стоит под фонарём, неподвижная, и смотрит прямо на автобус, встречая дочь.

Только бы она меня не увидела, не узнала и не стала ничего говорить. Но меня бросает в жар от волнения. Дара тут же становится тревожной, её взгляд метается по фигурам, толпящимся у автобуса в промёрзлом свете фонарей.

Выходя из автобуса, я вижу из-за плеча Артёма, как Юля что-то шепчет матери. И, конечно, они говорят обо мне — в ту же секунду взгляд Петровны, цепкий и налитый холодной злобой, находит меня в тени. Я в ответ лишь слегка поднимаю подбородок. Так бы сейчас сделала бабушка. Не прятаться, а занять своё пространство. Молча.

К моему облегчению, Петровна не говорит мне ни слова. Она лишь демонстративно, с неприкрытой брезгливостью, подталкивает Юлю вперёд, прочь от остановки, подальше от нас.

— Всё нормально, — тихо роняет Артём. — Трезвая она не настолько отчаянная, чтобы начать скандал.

К счастью, им нужно на Кузнечную, поэтому нам не по пути. Мы же сворачиваем на Заповедную и медленно бредём по заснеженной улице. Воздух потихоньку начинает отпускать ледяную хватку тревоги.

— Удивительно, — вырывается у меня, когда я вижу настоящее море огней. В каждом окне — гирлянды, на крышах — светящиеся фигуры, а заборы увиты мерцающими лентами, будто вся Заповедная готовится не к Новому году, а к соревнованиям по украшательству домов.

— Ага, — Артём с лёгкой ухмылкой окидывает взглядом ряды домов. — В Гриве любят выделяться.

— И вправду, — я фыркаю, указывая на крышу одного из домов, где красуются огромные светящиеся сани, запряжённые парой оленей с горящими носами. — Выглядит так, будто они вот-вот сорвутся и умчатся в звёздное небо.

В конце улицы, у последнего дома, я наконец вижу бабушку. Стоит на крыльце, обняв себя за плечи, и её лицо, освещённое золотым светом из окна, такое счастливое, что от одного взгляда душа согревается изнутри.

— Встретимся позже? — тихо шепчет мне на ухо Артём, уже отступая к тропинке, ведущей к его дому напротив. Я киваю, не отрывая взгляда от бабушки.

Бегу по утоптанной снежной тропинке, а она навстречу. И снова эти объятия, как полгода назад, но на этот раз в родной запах белого шалфея врезается зимний холод от нашей одежды.

— Ох и скучала я, Шурочка! — её голос звучит прямо над ухом.

— Я тоже, бабуль.

Я зарываюсь лицом в её плечо и едва сдерживая глупую, щемящую слезу.

— Дедушку увидеть можно? — спрашиваю, уже вглядываясь в даль двора, к старому забору.

— Можно, только недолго, — отзывается бабушка, хлопая калиткой. — Мороз вон какой стоит! Замерзнуть можно за два счёта.

— Бабуль, — смеюсь я, — забыла, что я мороза не боюсь?

Рядом, как в доказательство, возникает моя тихая, невесомая спутница.

— Здравствуй, Дара, — бабушка оборачивается, и её лицо озаряется мягкой улыбкой. У меня внутри вдруг тает что-то колкое, и становится так тепло, так спокойно, будто я только что познакомила свою дочь с её прабабушкой.

Дара, будто поймав эту мысль, делает почтительный, старомодный реверанс, от чего бабушка заливается звонким, беззаботным смехом.

— Ну, ладно, вы заходите, а я к дедуле, поздороваться! — кричу им, уже выскальзывая в тёмный двор.

Через несколько секунд сквозь тишину и морозный воздух доносится знакомый хриловатый голос:

— Ооох ты, кто пожаловал!

Дедушки не было здесь ещё мгновение назад, но едва я дохожу по сугробам к его месту у забора — он уже тут как тут, вырастает из самой тени.

— Говорил ведь, не отпустит тебя Грива, всё звать будет в свои места.

— Привет, дедуль, — говорю я, и от слов стелется морозный пар.

— Совсем уже взрослая ты стала, погляди-ка! — в его голосе, как всегда, смешиваются радость и лёгкая печаль. — Лицом в мать пошла, а вот глаза... Вера, моя Вера, прямо глядит. Не замёрзла ты?

— Нет, — улыбаюсь я, опираясь на деревянный забор.

— То-то, — он одобрительно кивает. — А то зима нынче... недобрая. Тихая. Такой тишиной иной раз только покойники да духи довольны. Всё слышно. Летом трава, листва шелестит, душу прячет. А сейчас — каждый шорох на снегу, как на чистом листе прописан.

Он замолкает, смотрит куда-то мимо меня, в чёрную прорубь между елями. Я впервые вижу его таким... совсем неживым — как статуя, но потом он машет рукой, отгоняя свои мысли, и снова смотрит на меня уже просто тёплым, почти живым взглядом.

— Ладно, чего это я. Заходи-ка в дом скорее! Вера, небось, тебе уже пирогов напекла!

— А ты... Ты не можешь с нами? — спрашиваю я, хотя знаю ответ. Если бы мог, он бывал бы у нас каждый вечер.

— Не могу, Сашка, — его голос звучит тихо, но без печали, как констатация простого закона. — У бабули в доме обереги крепкие. Если б я мог за порог переступить, то и всякая другая нежить смогла бы. Так что уж лучше мне здесь, на своём дворе.

Я это понимаю, но спросить стоило — просто чтобы ещё раз услышать его голос, такой живой и одновременно далёкий. Помахав дедуле на прощание, поворачиваюсь к дому. Переступаю порог, и тёплый воздух, пахнувший выпечкой, обволакивает меня, смывая с кожи колющий холод.

Видеть Дару за бабушкиным столом всё ещё странно — она не ест, не пьёт, сидит с прямой спиной и ловит каждое бабушкино слово, впитывая не звуки, а само тепло голоса. Мясной пирог смывает последние следы усталости от дороги, а позади меня, у входа в зал, мигает огоньками наряженная ёлочка. Её свет, отражаясь в тёмном окне, наполняет комнату тихим, домашним праздником.

— Бабуль, а Матвей... он тебя больше не достаёт? — осторожно спрашиваю, стараясь, чтобы голос прозвучал будто между делом. Иначе она сразу замкнётся в своём вечном «всё хорошо, родная».

— Ну, его «подарков» на крыльце я больше не находила, — бабушка откладывает вилку, и в её глазах мелькает усталая снисходительность. — Пьёт, конечно, но уже не до чертиков, как прежде. — Она переводит взгляд на Дару и вдруг подмигивает ей, будто делится секретом. — Дело-то ваших рук, верно?

Вопрос, конечно, риторический.

— Я сегодня Петровну видела, — продолжаю, следя за её реакцией. — Юлю с автобуса встречала.

— Юленька? — Лицо бабушки вдруг озаряется неподдельной, мягкой радостью. — Ой, вернулась? Давненько её не было... Максимка-то всё спрашивал, когда она уже приедет. Очень он по ней скучает.

— Он у тебя спрашивал? — вырывается у меня, и я сама чувствую, как брови ползут вверх. Максим — тихий мальчик из самой проблемной семьи — общается с моей бабушкой. А, значит, и Юля, его старшая сестра, скорее всего, тоже. Это осознание накрывает тихой волной.

Бабушка медлит с ответом, отпивает чаю и только потом говорит:

— Юле я помогала с её судьбой нелёгкой, Шурочка. Как и многим в деревне. Только Петровна с Матвеем, конечно, не знают об этом.

— Вот как... — только это и могу выдать, обдумывая, что же у неё за судьба такая, что бабушке пришлось вмешаться.

— А её нелёгкая судьба как-то связана с тем, что она видела Дару? — спрашиваю я, чувствуя, как голос слегка дрожит. Тянусь за следующим куском пирога, делая вид, что вопрос не задел меня за живое. Когда кладу его на тарелку, вижу, как бабушка смотрит на Дару — с тихой, давней грустью.

— Многое она видит, Шурочка. Да не только Дару.

Глава 3. Ветер, слухи и печенье.

— Многое она видит, Шурочка. Да не только Дару.

— А кого же? — Любопытство берёт верх над волнением, внутри что-то ёкает.

— Нечисть разную. Ту, что в доме их обитала, пока вы с Дарой её оттуда огнём Сварога не выжгли. — Бабушка произносит это спокойно, как факт, который не требует лишних эмоций.

Я прокручиваю услышанное в голове, не произнося ни звука. Если это правда, почему они до сих пор злятся? У них новый дом, чистое место, никакой нечисти — а я всё ещё враг народа, будто вот-вот заберу последнее. Внутри поднимается глухое, горькое негодование от несправедливости. От той холодной, колючей злобы, которую я так отчётливо ощутила сегодня при встрече с Юлей.

— Матвей не видит никаких теней в их доме, как и мать его, — продолжает бабушка, не глядя на меня. — Только Юля видела. А кроме меня, никто ей не верил. — Она смотрит в окно, будто ждёт кого-то, и молчит с минуту, давая мне время обдумать.

— Значит, она... тоже ведьма?

— Тоже.

— И у какой стихии силу берёт? — Осторожно спрашиваю я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. Только бы не у Сварога. Почему-то эта мысль пугает меня больше всего. Вдруг она окажется сильнее? Опытнее?

— Когда она впервые пришла ко мне и рассказала всё как есть, я сразу поняла: Стрибог её покровитель. Ветер даёт ей силу. Как тебе — Огонь.

Дара, до этого почти недвижимая, вдруг оживляется. Её взгляд притягивается к чему-то за окном. А через несколько секунд на пороге, отряхивая ноги от снега, уже стоит Ника. Как яркий солнечный луч, она врывается, заполняя дом теплом и своей лучезарной улыбкой.

Я вскакиваю и влетаю в её объятия. В нос сразу бьёт запах кокоса — конечно, она выбрала самый сладкий аромат из всех возможных.

— Я уж думала, не дождусь вашего приезда! Чуть с ума не сошла от скуки! — восклицает Ника, скидывая с плеч фиолетовую куртку.

Приглядываюсь. Волосы отросли, в лице появилась какая-то новая чёткость — повзрослела. И за полгода, кажется, стала только красивее. А вместо привычных ярко-жёлтых вещей — нежно-лимонный джемпер и серые джинсы. Смотрю и не могу отвести взгляд. Неужели так быстро меняются?

— Ты... похорошела, — вырывается у меня.

— Ой, спасибо, Саш, — Ника слегка розовеет и проходит к столу.

Бабушка с улыбкой указывает ей на свободный стул — тот, что ближе ко мне, занят Дарой. Моя тихая спутница тоже осматривает Нику, подмечая изменения — не сверлит, а скорее изучает, с детским любопытством.

— Чуть не забыла! У меня же печенье овсяное стынет! Собственного приготовления! — бабушка подсакивает к шкафчику, достаёт вазочку, прикрытую вязаной салфеткой. Ставит на стол — и в воздухе повисает тёплый, мягкий шлейф корицы.

— Повод ещё чайку поставить, — заключает она, щёлкает кнопку чайника и возвращается к столу.

Вот и собрались. Бабушка, её внучка, соседка, которая за полгода превратилась почти в незнакомку, да прислужница ведьмы — невидимая для одной из нас, но для двоих самая настоящая, сидящая с нами за одним столом. Компания выходит интересная.

Снова пар от чая, бряканье ложек, запах выпечки.

— Так, девочки, — бабушка ставит свою чашку с лёгким стуком. — Завтра уже тридцать первое. И у нас в Доме творчества для всей деревни — праздник.

Она делает паузу, давая словам просочиться в сознание, как чайному пару.

— Все идут на ёлку. И вам нужно. — Её взгляд становится целенаправленным, почти деловым. — Тебе, Шурочка, особенно.

Внутри что-то тихо ёкает, настораживается.

— Местные жители, — продолжает бабушка, и в её голосе появляется знакомая, ироничная нотка, — особенно некоторые, должны наконец познакомиться с тобой. Кое-кто об этом вообще мечтает. Все месяцы спрашивали.

Сначала я просто слышу слова. Потом их смысл медленной, тяжёлой волной накрывает с головой.

Я знала, что рано или поздно так случится. Что местные захотят разглядеть внучку Веры Михайловны поближе. Может, попросить о помощи, а может — просто потрогать, чтобы убедиться, что я настоящая. Но чтобы мечтали познакомиться? Чтобы все месяцы спрашивали?

Пальцы холодеют, хотя в комнате тепло. В голове проскальзывают мысли: а до чего разрослись местные слухи за полгода? Что они там нашептали друг другу про меня, про Дару, про тот пожар и про Гриву? И насколько их мечты о знакомстве совпадают с моими представлениями о тихом деревенском отдыхе?

Прикусываю губу и киваю бабушке — коротко, один раз. Теперь ясно: моё присутствие на празднике — не прихоть. Это первый, чётко обозначенный ход в игре, в которую я вступила полгода назад. Знак для деревни: ко мне теперь можно обращаться. Не только как к внучке Веры Михайловны. А как к...

Мысль обрываю, не договаривая даже про себя. Но бабушка ловит этот недосказанный вопрос в моих глазах и отвечает едва заметным кивком. Да. Именно так.

— Заодно с нашим старостой познакомишься, с дядей Мишей. Он у нас теперь деревней управляет, — заключает она, возвращаясь к деловому тону.

— Точно! — встречает Ника. — Помнишь, он на Ивана Купалу на баяне играл? Ну такой, с усами?

— Ага. Так он тоже будет?

— Будет, — подтверждает бабушка и тут же понижает голос до конспиративного шёпота, от которого по спине бегут мурашки. — Кстати, он-то мне и рассказал кое-что про прежнюю хозяйку твоей спутницы. — Она делает лёгкое движение подбородком в сторону стула — пустого для Ники.

Ника слегка сжимается, её взгляд скользит по спинке стула. А Дара теперь не обращает внимания на Нику — всё её внимание устремлено к бабушкиным губам.

— Его семья раньше на Кузнечной жила, по соседству с домом Анны и её отца, Еремея. Прадед его рассказывал... — Бабушка делает паузу, и в кухне повисает такая тишина, что слышно, как снежинки бьются о стекло. — Анна в лес ушла после. Когда и Еремея не стало, и самой Гривы. Подальше от людей. Да только люди к ней всё равно дорогу находили. Несли добро за помощь.

— Она им помогала? Ну... как ведьма? — голос звучит тише, чем хотелось бы. Ответ я знаю, но сейчас важно другое: бабушка может рассказать то, чего нет в сухих фактах. Чего я не видела сама.

— Помогала. Да не только. — Она отпивает чай, и этот бытовой звук кажется сейчас оглушительным.

— А что ещё?

— К ней и ведьмы разные приходили. Не только наши местные. — Бабушка бросает взгляд в окно, будто проверяет, не притаился ли кто под ним. За стеклом уже гуляет метель, огни соседних домов почти не видны. — Слышали тогда в лесу и видели... всякое.

— Всякое? — Ника не выдерживает. Её любопытство всегда сильнее страха.

— Крики нечеловеческие. Костры, от которых небо алым окрашивалось. Песни на языках, которых в наших краях не водилось. Поговаривают, у Ведьминого камня целые сборища устраивали. — Бабушка переводит взгляд на Дару. — Вот тогда-то мне и стало понятно, откуда Анна, отшельница, могла такие тайные ритуалы знать. Смогла создать настоящее чудо.

Я чувствую, как у меня слегка сводит челюсть. Видения. Пожар. Сила Сварога, льющаяся через Дару. И она. Анна. В темноте старого зеркала в лесной избушке. Её лицо — моё отражение.

— А Дара так и не заговорила? — Ника осторожно, будто боясь спугнуть, возвращает нас в настоящий вечер.

Я качаю головой, поджимая губы. Взгляд мой встречается с Дарой, и в её голубых глазах я вижу отражение собственной, уже непоколебимой уверенности. Она заговорит. Потому что мы пришли туда, где началось её молчание — здесь ему и конец.

Глава 4. Сестринство.

Анна

Избу Алексей достроил перед самыми заморозками. Сруб плотный, печь сложил так, что одного полена хватает, чтобы до утра тепло держалось. Я ему говорю: «Не благодать ли это — такая избушка в глуши?» А он только топор поправляет в руках, смотрит на работу свою и молвит: «Будет тебе где силу копить. Людям потом отдавать».

Умный он. Понял, зачем я просила строить не у дороги, а в глухом лесу, у старой сосны. Тут и вода близёхонько, ключ из-под камня бьёт, и земля тихая. Не пустая — чувствую, как дремлют в ней старые духи, — но не суетливая. Не мешают.

Лошадей отпустила на волю, как и думала. Гривин жеребёнок, медногривый, дольше всех у ворот стоял, в сторону деревни смотрел. Потом фыркнул, тряхнул гривой — и за другими побежал, в чашу. Пусть бегают. Свободным и место найдётся.

Люди, конечно, скоро дорогу протопчут. Не для разговоров, нет. Вчера уже стучалась Матрёна, с покрасневшими глазами: ребёнок в лихорадке бьётся, знахарка руками разводит. Пошла, положила руку на лобик, прошептала то, что с вечера мне огонь нашептал. Сегодня на пороге горшочек с топлёным молоком стоял — без слов, без поклонов. Так — правильно. Так и должно быть.

Алексей раз в неделю приходит. Дров приволочёт, глянет, не течёт ли крыша. О деле говорит. То забор поправить надо, то дорожку к ключу. Ни разу не спросил: «Не страшно ли одной? Не тоскуешь ли?» Видит, что мне здесь — как рыбе в воде. Иногда сидим на брёвнышке у порога, молчим. Он — про своё думает, я — про своё.

Только вечерами, когда Стрибог затягивает свою нескончаемую песню, чувствую, как старые стены деревни во мне потихоньку рушатся. Не больно. Наоборот — просторно становится внутри. Будто место расчищаю для чего-то нового, что должно прийти. Или для кого-то.

И пришли.

Первой была Злата — с лицом, измотанным бессилием. С бедой пришла, что мужчинам не по зубам была.

— Колодец у нас грязный, Анна, — сказала она без предисловий. — Чистили мужики, и не раз. А он снова тиной заплывает, вода железом да горечью пахнет, скотина пить не хочет. Чувствую я — дело нечисто. А толку? Не даётся оно мне.

Мы пошли к тому колодцу. Смотрели в воду, не мигая, да по запаху мне понятно стало: порча не природная. На дне что-то лежит, чужое, притягивает к себе всю окрестную грязь и дурные мысли.

Выловили. Оказался на дне амулет старинный, костяной, в чёрных восковых наплывах — видно, для обрядов тёмных использовали. То ли по незнанию скинули, то ли со злым умыслом.

Мы его, конечно, от людей подальше унесли. Но огнём такую силу не уничтожить — он только скверну в мир выпустить может. Закопали в глухом месте у речного поворота, да такими словами окружили, чтобы спал вечным сном да силу свою в Землю-Матушку вернул. И колодец в ту же ночь очистился. Вода светлая стала, как слеза.

После этого по земле пошёл иной слух. Не просто про лесную ведунью — про мастерицу, что берётся за то, что другим не под силу. И ко мне стали стекаться тропинки — не только местные с бедой. Потянулись и другие, ведуньи. Раз в сезон, а то и в год. Но шли верно, как по стрелке компаса.

После Златы пришла Ульяна, травница да зверица. Сам Велес за руку её привёл. Та с медведицей раненой разговаривала как с сестрой, а из подорожника и болиголова такие зелья

варила, что сама жизнь в них клубилась. Она научила меня слышать не только землю, но и то, что по ней ходит, дышит, болеет.

Каждая ведунья — со своим даром, со своим богом за плечом. И каждая находила здесь, у моего порога, не только помощь, но и родственный отклик.

Но чаще других, всегда неожиданно, приходила Ярина. Лет на двадцать меня старше, волосы — седая грива, а в глазах — ровный, вечный жар, что и в моей груди. В ней Сварог говорил не очищающей вспышкой, как во мне, а мудрым, размеренным горением.

В первый раз она просто вошла, будто всегда тут жила, повесила на гвоздь плащ и сказала: «Думала, одна я такая на всю округу. А вот и нет. По духу ты родная мне».

Она приносила с собой не только знания. Она приносила видения. То, что другим снилось, ей являлось наяву, чётко, как картина в луже после дождя. Она видела нити судеб, узлы на них. И однажды, после долгого молчания у костра, вынула из-за пазухи тетрадь в кожаном переплёте, потёртом до мягкости.

— Это тебе, — сказала просто. — Тут не всякое слово прочитаешь, когда захочешь. Оно само откроется, когда придёт пора. Когда вопрос в тебе созреет правильный.

Книга лежала у меня на ладонях — тяжёлая не по весу, а по смыслу. Это не были записи гадалок или знахарок. Это была летопись Огня. Говорилось о том, как отлить из свечного воска стражника для сна. Как вплести искру в узор на одежде, чтобы та жгла завистливый взгляд. Как разжечь внутренний очаг так, чтобы холод души не смог к тебе подступиться.

Ярина приходила ещё много раз. Мы могли просто молча сидеть у огня, и в этом молчании наши силы сливались воедино. Она видела во мне ровню, идущую своей, ещё не протоптанной тропой. И я чувствовала, как простор внутри меня, расчищенный когда-то от обломков прошлого, наполняется. Тихо, как наполняется светом горница на рассвете. Он состоял из тихого напева Ульяны, из твёрдой уверенности Златы. И из мудрого, всевидящего тепла Ярины, которая знала, что мы уже не просто ведуньи с разных деревень.

Мы стали сестринством.

Собирались у реки, неподалёку от камня, когда нужно было общее знание или совет. Разжигали костёр, пели старые песни. И в этих песнях, в этом общем тепле, рождалось то, чего ни одна из нас не смогла бы создать в одиночку: понимание. Как не бороться со злом, а перенаправлять его силу. Как слышать голоса стихий и договариваться с духами. Как сохранять связь между мирами.

В один такой вечер у костра, когда пламя уже лизало ночное небо, Ярина придвинулась и сказала тихо — так, чтобы слышала только я.

— Скоро не будешь ты одна оставаться, когда мы будем уходить.

Не сразу я поняла, о чём она. Но на следующий день Алексей пришёл с охапкой алых маков. Оказалось, цветы эти выросли густо на пепелище моего старого дома, что сгорел вскоре после моего ухода. Цвели там всё лето, будто сама земля пыталась залечить ожог яркой красотой.

— Для тебя, — сказал он, глядя куда-то поверх моих глаз.

И в тот момент до меня дошло. И про цветы на родном пепелище, и про тихие слова Ярины у костра. Всё сошлось в одну точку, ясную и неотвратимую.

Простора внутри было уже столько, что хватило бы и на силу, и на знание, и на ту тихую, тёплую тишину, что была между мной и Алексеем. А значит, хватило бы — и на кого-то ещё.

Кажется, я всегда его любила. И кажется, он отвечал тем же. А зрело во мне теперь не просто продолжение рода. Зрела нить. Самая прочная из всех, что мне доводилось плести —

нить, что должна была связать два берега одного и того же потока. Чтобы то, что мы здесь начали, не кануло в Лету вместе с нами.

Ярина, конечно, знала это с самого начала.

Глава 5. Тетрадь Ярины.

Саша

— Так, девочки, — говорит бабушка, отодвигая от себя пустую чашку, — вам наверняка пошептаться о своём охота, а мне как раз кое-куда сходить надо.

Она встаёт и шустро накидывает пуховик.

— А не поздно, бабуль?

— А я тут, неподалёку, соседка просила зайти. — Бабушка ловко зашнуровывает ботинки и выскальзывает в сени, впустив в кухню порцию колючего, свежего воздуха.

Вздохнув, я поворачиваюсь к Нике.

— Хочешь секрет?

— Зачем спрашивать, Сашка? Знаешь же!

Смеюсь в ответ, а она уже округлила свои карие глаза-блюдца, предвкушая какую-нибудь магическую тайну. Но я выдаю лишь:

— У Артёма сегодня день рождения.

— Фу ты, ну ты! — Ника фыркает, разочарованно откидываясь на спинку стула, но тут же в её взгляде вспыхивает азарт. — Козерог?

— Не знаю, не вникала. Но, пожалуйста, не поздравляй его сегодня, а то он перестанет мне доверять секреты.

— В этом году, может, и потерплю, — она подмигивает. — А в следующем не отвертится! Я ему закачу такой праздник, что он краснеть будет до следующего дня рождения.

Мы заливаемся смехом — громким, беззаботным. И тут я слышу. В пространстве комнаты, поверх нашего смеха, звенит ещё один — тихий, серебристый, как хрустальный колокольчик.

Дара смеётся.

Я замираю, и улыбка медленно сползает с моего лица от изумления. Внутри всё продолжает улыбаться, широко и глупо.

— Ты чего? — Ника мгновенно ловит перемену, её взгляд метается по комнате. — В чём дело?

— В Даре. Она... смеётся. Но только когда смеюсь я.

Ника оглядывается вокруг, хотя знает, что Дару всё равно не увидит, но её брови ползут вверх.

Дара, подхваченная лёгкой волной нашего удивления, отрывается от стула и начинает медленно двигаться по кухне. Она не парит, а идёт, едва касаясь пола, разглядывая бабушкины салфетки с вышитыми узорами, трогая кончиками пальцев гранёную сахарницу. В её движениях сейчас нет привычной отстранённости.

— Что она делает? — шепчет Ника, наклоняясь ко мне через стол.

— Исследует, — так же тихо отвечаю я, глядя, как Дара задерживается у полки с глиняными горшками. — Как будто... она тут в первый раз.

И эта мысль кажется мне верной. Да, она была в этом доме. Но та — другая. Та Дара была тенью, осквернённой болью и чужим влиянием. Она помнила стены, но не видела их. А эта... Эта Дара смотрит на вышитые салфетки, на блики на стекле, на пылинки в луче света от лампы — будто видит мир заново. С чистого листа.

Как только она уходит в тень спальни, я придвигаюсь к Нике поближе.

— Ну, рассказывай все сплетни, которые я пропустила.

Ника, конечно, ждала этого. Её лицо тут же озаряется заговорщицким восторгом.

— Во-первых, — начинает она, — пока мы, «молодёж», усердно учились, старики местные по ночам что-то чудили. Я как-то встала и в окно видела: несколько человек в звериных масках идут цепочкой к полю. И тишина такая, что уши закладывает — ни собаки, ни ветерка. Будто деревню накрыли колпаком.

— А зачем маски? — спрашиваю я.

— Понятия не имею, — Ника понижает голос. — Но от местных слышала, что в эти ночи нечисть из леса выползала. Старики, кто силу чувствует, выходили, чтобы её отогнать.

— Жуть какая.

— То-то! А на следующий день твоя бабушка шепталась с тётей Лидой, и я краем уха слышала: «Справились, слава богам». Я так и не поняла, с чем именно, но жутко было. До утра глаз не сомкнула.

— А кто такая тётя Лида? — интересуюсь, впервые услышав это имя.

— Ведьма, — коротко отвечает Ника, будто это всё объясняет. — С водой работает. Она на Озёрной живёт, в конце улицы. Я почти уверена, что твоя бабушка сейчас именно к ней побежала, тут по тропинке-то недалеко совсем.

— Снова тайны... — я вздыхаю и отклоняюсь на спинку стула. — Как думаешь, эта Юля тоже будет завтра на празднике?

— Ооо, думаю, что да, — кивает Ника с излишне, на мой взгляд, довольной улыбкой.

— Что тебя так забавляет?

Она пожимает плечами, всё ещё улыбаясь.

— Интриги! В деревне бывает скучно, сама знаешь.

— Ты точно про Красную Гриву? — мой удивлённый тон смешит Нику.

— Ха! Конечно! Мистики тут полно, а вот обычных драм жуутко не хватает.

— Ох, я готова к мистике, но только не к драме. Сидеть в автобусе с бывшей Артёма было не очень весело...

— Ага, и тот факт, что ты сожгла её дом, тоже не особо выручает в данной ситуации.

— Не подливай масла в огонь, Ник, — говорю я устало, с ноткой раздражения. — Ты ведь знаешь, что не специально.

Ника тут же становится серьёзной. Вся её минутная весёлость гаснет, будто её и не было.

— Конечно, знаю, Саш. Прости, я как всегда перегибаю. Я знаю, что это была не ты. То есть... это не ты решала.

Я делаю глубокий вдох, позволяя себе несколько секунд тишины, и напряжение внутри меня отпускает.

— Да нет, всё хорошо. Это та самая твоя черта, по которой я скучала.

Ника отвечает тёплой, уже без тени игры, улыбкой. И это правда. Я скучала. Из всех подруг на свете только Ника знает мою ведьминскую изнанку. Только от неё мне не нужно прятать Дару и таить всё, что случилось прошлым летом. Она знает всё.

Пауза между нами становится мягкой, не неловкой. Её прерывает Ника, переходя на будничным тон:

— Зайдёшь за мной завтра, перед тем как на праздник?

— Конечно, зайду.

Проводив Нику и уже закрыв за ней дверь, я, как всегда, задерживаюсь у старинного бабушкиного зеркала. Даже спустя время, оно колыхает во мне нотки волнения, когда я смотрю в него. А в этот раз оно пугает меня сильнее, когда ловлю движение за спиной. В его глухой, потускневшей поверхности, прямо за моим отражением, вижу Дару.

Она стоит у двери в кладовую, и это не её обычная, тихая пассивность. Вся её поза — напряжение. Дара смотрит то на дверь, то на меня, указывая туда рукой.

— Ты хочешь зайти? — пытаюсь понять.

Открываю дверь. Впускаю в черноту узкую полосу света из коридора. Воздух пахнет сушёной полынью, пылью и старой бумагой. Оборачиваюсь к Даре. Она замерла на пороге, не пересекая его, а взгляд, обычно рассеянный, сейчас цепкий, острый — выхватывает детали в полутьме, скользит по стеллажам, заваленным склянками, свёртками, забытыми вещами.

Я знаю, бабушка не запрещает мне сюда заходить. Но Дара войти не может. Над косяком висит связка деревянных оберегов — крючковатые фигурки, вырезанные из корня. Я бы и не подумала, что в них есть сила, если бы не чувствовала её кожей — тихое, упругое поле, похожее на тёплую стеклянную стену. Дара чувствует его тоже. Она тянется, но не решается пройти.

— Что ты хочешь, чтобы я здесь нашла?

Мой вопрос, как всегда, повисает без ответа. Но Дара не отводит взгляда. Она будто хмурится и вдруг резко указывает вглубь кладовой, в самый угол позади меня. Там, на полу, под слоем забытья, лежит стопка потрёпанных тетрадей и книг, накрытая охапкой сушёных трав. Аккуратно сдвигаю травы на ближайшую полку и вытаскиваю всю кипу наружу, на полосу света. Пыль вздымается вихрями. Дара осматривает каждую обложку. Её внимание скользит, спотыкается и наконец замирает на одной — тёмно-коричневой, с потёртой, почти стёртой кожей. Она выглядит не просто старой. Она выглядит другой — будто время над ней работало иначе: не стирая, а уплотняя.

Я бережно снимаю верхние книги, освобождая ту, от которой Дара не отводит взгляда. Она смотрит на тетрадь, и её лицо теряет последние намёки на безразличие. Кажется, она вот-вот скажет что-то.

— Ты знаешь, чьё это? — спрашиваю тише.

Дара медленно кивает. Её взгляд мечется между мной и загадочной потрёпанной вещью.

Беру тетрадь в руки, Дара заворожённо наблюдает. Аккуратно открываю первую страницу. Бумага плотная, шершавая, испещрённая поблёкшими чернилами, буквы угловатые, с непривычными росчерками. Читаю медленно, вникая в каждую линию:

«Сиш строки обряцут пользу в жизни твоей. Ярина».

— Ярина? Кто это?

Дара поднимает на меня взгляд. И в этой пустоте, где обычно живёт лишь тихое любопытство или безразличие, сейчас — глубокая, бездонная печаль. Она знает. Знает так, как знают только те, кто помнит.

— Хочешь забрать её?

Дара кивает. Коротко, жадно. И в её молчаливом жесте столько надежды, что у меня сжимается горло.

В этот момент я слышу знакомые шаги. Дверь распаивается, и бабушка входит, впуская густой, морозный воздух. Он сталкивается с теплом, и на полу, среди разложенных мною книг, клубится белый туман, скрывая на пару секунд наше недавнее «преступление».

Я превращаюсь в статую, потому что в тот же миг понимаю, на что похож этот беспорядок. Что мы ворвались в чужое пространство и вытащили наружу чьи-то секреты.

Туман медленно тает, открывая сначала контуры, а потом и все подробности: беспорядок из книг, потрёпанную тетрадь в моих руках, открытую кладовую. На лице бабушки — чистейшее, безмолвное изумление. Но голос, когда он звучит, спокоен и даже слегка насмешлив, будто она делает замечание самой себе:

— Вот те раз. А память-то, выходит, дырявая.

Глава 6. Девочка на сцене.

— Бабуль, что это за тетрадь? Дара уж слишком сильно хотела её достать.

Я только закончила расставлять книги по местам, саму тетрадь положила на тумбу у кровати — и теперь Дара не отходит от неё ни на шаг. Просто сидит, смотрит, с поникшим лицом, и от этого у меня разрывается сердце.

Бабушка уже готовится ко сну, распускает волосы, и отвечает буднично, будто мы обсуждаем погоду:

— Мне эту тетрадку Юленька принесла.

Я замираю, не в силах понять, что она имеет в виду, а бабушка, заметив мои нахмуренные брови, поясняет:

— Юля у своей матери нашла эту вещицу. Поняла, что не их семье принадлежит. Никакой знакомой Ярины у них не было. А мне принесла — почуяла, что вещь ведьмовская. Некоторые слова там ещё можно разобрать, да понять, что рецепты там не для пирогов, а для дел посерьёзнее.

Бабушка уже открывает дверь в свою спальню, лениво зевает.

— Думаешь, Дара знала ту, кому эта тетрадь принадлежала?

Она останавливается, смотрит на меня, что-то обдумывая. Через несколько секунд говорит:

— Да уж наверняка. И если тетрадь оказалась у Юленьки, возможно, кто-то из её семьи нашёл её вместе с куклой в доме Анны.

У меня внутри всё обрывается и падает куда-то вниз. Бабушка желает спокойной ночи и закрывает за собой дверь, а я остаюсь с тем, что только что услышала — с догадкой, которая крутилась в голове с того самого момента, как она сказала про Юлю. Пазлы начинают складываться в картину. И я всё больше понимаю Дару. Её жгучее желание отомстить, которое управляло ею тем летом.

Захожу в бывшую мамину комнату. Дара всё в той же позе — сидит, смотрит в одну точку. Она молча встаёт с кровати, уступая мне место, а потом, уже по привычке, садится рядом — охранять мой сон. Мне с ней так тепло и привычно.

— Жалко, что я не могу, как ты, — вздыхаю я.

Дара поворачивается ко мне, приподнимает бровь.

— Я о том, что не могу забирать твою грусть.

Она слегка улыбается — всего одним уголком губ. И мне становится легче.

Закрываю глаза, но засыпаю не сразу. В голове эта Юля. Прошлым летом я о ней и не думала, но стоило ей появиться в деревне — и теперь от одного бабушкиного «Юленька» внутри поднимается горячее раздражение. Сама не понимаю своих эмоций, но чувствую, как под рёбрами разливается жар, стоит только вспомнить её лицо в автобусе.

Дара тут же кладёт руку мне на грудь. Она не просто забирает плохие эмоции — она берёт часть огня, который принадлежит нам обеим. И я не против. Если это сделает её сильнее и она наконец снова заговорит.

«Сварог... Если это в твоей власти, сделай так, чтобы Дара снова была со мной. По-настоящему. Как раньше».

А я-то думала, что тридцать первое будет таким же морозным, как вчера. Но утро порадовало солнечными лучами, а градусник за окном показывает минус пятнадцать. Дара всё так же поглядывает на тетрадь. Я пролистнула её пару раз, но не смогла разобрать написанного — чернила стерлись, а из того, что осталось, ничего не вычитать современному мозгу.

Бабуля, как всегда, заботливо приготовила завтрак. А пока мы с ней обсуждали деревенские дела, мне писала Ника. Всё утро и половину дня! А ведь она всего через два дома живёт, но не может удержаться от сообщений: кого она уже успела увидеть с утра и как в Доме творчества готовятся к празднику.

«Кажется, и про Красную Гриву не забыли», — пишет Ника и прикрепляет фото ростовой куклы для двоих. Мне это греет душу, я даже показываю фотографию Даре, а она улыбается, рассматривая знакомую лошадь — вернее, её пародию.

Усаживаюсь на диван в гостиной, поближе к бабушке. Она что-то читает, сидя у окна в своём любимом кресле.

— Бабуль, — начинаю я, как обычно готовясь к неудобным вопросам, — а что было около двух недель назад? Ника говорила, что видела людей в масках животных. Говорит, было жутко.

— Хм, — бабушка чуть улыбается, вспоминая о чём-то загадочном. — День этот особенный, Шурочка.

Она, видимо, подбирает слова, не торопится, хитро поглядывает на меня и на Дару, продолжая перелистывать какой-то журналчик — кажется, с рецептами.

— Ты ведь знаешь, что в деревне есть ещё ведьмы, кроме меня? — начинает издалека. Неужели это я от неё нахваталась таких приёмчиков?

— Ну... Это логично. Думала, что на каждой улице есть хотя бы одна ведьма.

— Верно, Шурочка. Раньше так и было. И у нас, у местных ведуний, есть свои обязанности — как деревню оберегать. А та ночь, про которую тебе Вероничка сказала, — это один из древних праздников, когда рождается новое солнце. Для нас, для тех, кто помнит ещё, — это важно.

— А как же нечисть? Ника говорила, что в эти ночи она из леса выползает.

Бабушка усмехается и машет рукой:

— Эх, Шурочка, вечно слухи страшнее правды. Нечисть, конечно, есть, и она всегда рядом. Но в ту ночь мы ею не занимались. У нас свои дела были. А что до слухов — в такую тишину, когда все сидят по домам, всякая тень чудится. Люди сами себе страху навывдумывают. А мы же просто делали, что должны.

— И что же вы делали? — не унимаюсь я.

— Подношения богам, за свою деревню просили, благополучия семейного да здоровья для всех жителей, костры жгли, как водится, — бабушка чуть заметно улыбается. — Многие-то местные уже и не знают про эти древние праздники, а иные и вовсе в наших богов не верят. Чего уж там, мы их не пугаем, всё делаем тихонько, по-своему. А обычаи храним. Чтим то, что для прадедов свято было.

Она продолжает листать журнал и задерживается на рецепте какого-то пирога с крыжовником. А мне кажется, сказанное ею сейчас невероятно важно. Теперь я точно знаю: я хочу приезжать в Красную Гриву на все важные для деревни события. Но сегодня — другой праздник. Новый год. Я не люблю суеты и чужих взглядов, но хочу стать своей для этой деревни. Пусть даже ради этого придётся потерпеть толпу. Особенно присутствие этой Юли.

— Здравствуй, Саша! — приветствует меня дядя Вова, папа Ники, когда я захожу к ним в дом. — Кидай куртку прямо на пуфик, я повешу, — говорит он любезно, а я, смущаясь, благодарю и прохожу к знакомой белой двери.

Стучу три раза, слышу какой-то шорох, и через пару секунд Ника открывает дверь с широкой улыбкой.

— Ну наконец-то! — она хватает меня за руку и втягивает в комнату. Я этого ожидала, но, наверное, никогда не привыкну. — Я тут кое-что поузнавала по поводу праздника и...

Она поворачивается ко мне с такой хитрющей улыбкой, какой я у неё, кажется, ещё никогда не видела, и меня это пугает.

— Кажется, на празднике тебя ждёт сюрприз! — Ника подпрыгивает на месте и хватается за рот, будто хочет удержать слова, но они вот-вот вырвутся наружу.

— Ты... ты о чём это? — меня вдруг бросает в дрожь от накатывающего волнения, и оно совсем не от приятного предвкушения.

— Ну... я подслушала, но говорить не буду. Сюрприз всё-таки!

— Ника, ты разве умеешь держать язык за зубами? Говори уже!

— Эй! Это обидно! Вот из принципа теперь не скажу!

Она отходит и садится на кровать, скрестив руки на груди. Только теперь я замечаю, что изменилась не только Ника, но и её комната: никаких разбросанных вещей, разве что на кровати аккуратно сложены футболки. Только стены всё такие же жёлтые, лимонного цвета подушки, кремовые шторы. Я не могу не произнести это вслух:

— У тебя комната теперь другая.

— Оу, — Ника смягчается. — Спасибо, что заметила. Стараюсь. Мама подогнала всякие штучки-упражнения против СДВГ, но мне пока только одно помогает.

— Какое? — не удерживаюсь от вопроса.

— А ты попробуй! Садись на кресло, чего стоишь? — она машет на компьютерное кресло у рабочего стола, и я послушно сажусь. — А теперь закрой глаза! — командует Ника.

— А ты расскажешь, что за сюрприз? А то я не очень-то сейчас хочу тебя слушаться, я злюсь.

— Пффф. Злишься? Ты? Не верю! Ты самая добрая из всех, кого я знаю. Так что не ври и закрывай глаза.

Меня немного сбивают с толку её слова. Самая добрая? Не думаю, что чувствую доброту к некоторым людям — к таким, как Юля, например. Но глаза всё-таки закрываю.

— А теперь, — продолжает Ника, — вдохни и выдохни. — Она вдыхает, и я повторяю за ней; выдыхает — и я тоже. — У тебя же сейчас есть мысли в голове?

Конечно! Куча! Миллион мыслей, вопросов, загадок без ответов.

— Есть.

— Хорошо. Тогда подумай вот о чём: «Откуда придёт моя следующая мысль?»

Я хмурю брови, подглядываю. Ника сидит с закрытыми глазами и глупой улыбкой на лице. Едва сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться, но всё же думаю: откуда придёт моя следующая мысль?

Стоп.

Что?

Я секунд пять обдумываю, откуда придёт мысль — но её... нет.

Открываю глаза и с недоумением смотрю на довольное лицо Ники.

— Круто, да? В первый раз я всего на секундочку остановила мысли, но было удивительно. А сейчас могу гонять одну мысль секунд десять!

— Это необычно, — искренне подтверждаю я.

— Пользуйся! — Ника, довольная, вскакивает с кровати. — Когда хочу на чём-то сосредоточиться, например на уборке или уроках, применяю это примерно раз в пять минут. Так и доделываю дела до конца, и не забываю уютно выключить. — Она пожимает плечами и раскрывает шкаф. — Так что же надеть на «ёлку»?

Ника оглядывает меня с головы до ног и чуть насмешливо уточняет:

— Или что — не наряжаться?

Она выбирала наряд минут тридцать, не меньше! А потом столько же наводила марафет — красилась, делала укладку. Хотя я уверена: с утра она уже была собрана. Но стоит отдать ей должное — больше никаких жёлтых теней и блёсток на щеках. Вполне сдержанно и стильно. Мне даже стало неудобно, что я ничего не сделала с волосами, а из косметики — только тушь и блеск для губ. Поэтому я согласилась украсить свой «лук» (если это слово применимо к моим широким джинсам и бордовой водолазке) Никиными украшениями: пара браслетов, милое колечко и колье, которое как раз подошло к водолазке.

— Ну вот! — восклицает Ника, разглядывая меня. — Украшения знают своё дело! Даже самый обычный образ делают праздничным и продуманным. — Она подмигивает, и мы наконец выходим из дома в сторону Дома творчества.

Ника так и не рассказала, что за сюрприз меня ждёт — и от кого? Какой сюрприз может быть на «ёлке» лично для меня? Бред какой-то. Хорошо, что Дара тихо забирает моё волнение, хотя сама не показывается — знает, что не стоит. Но кукла, конечно, всегда со мной, во внутреннем кармане куртки. А вот телефон с собой даже не беру — незачем.

Артём, к тому же, ещё утром написал, что придёт на праздник с семьёй, так что там и встретимся. Кстати, может, сюрприз от него? Нет, он бы не стал — знает, что я не люблю такое. А может, от бабушки? Тогда я даже ума не приложу, что это. Дара снова забирает накатывающееся беспокойство. Мысленно благодарю её. *Сварог, что бы я делала без неё.*

Ника по пути что-то говорит, но я не могу сосредоточиться на словах.

— Ник, скажи, пожалуйста, что за сюрприз? Я сейчас сойду с ума!

— От любопытства? — улыбается она.

— От мучений! Не люблю сюрпризы.

— Нуу... Если бы мне такое вдруг сделали, я бы была так рада! — она чуть ли не визжит от восторга, и теперь мне становится ясно: для меня это будет совсем не приятно.

Издалека вижу, как у украшенного Дома творчества собирается толпа. Бабушка машет мне, зазывая. Как только мы подходим, она тут же представляет меня:

— Вот, Миша, знакомься. Внучка моя, — в её словах столько гордости, а улыбка до ушей.

— Тооочно, — протяжно произносит мужчина с морщинками у глаз, поглаживая густые чёрные усы. — Сама Александра Никитична.

— Здравствуйте, — произносим мы с Никой одновременно. Дядя Миша слегка наклоняется с улыбкой.

— А ну, проходите скорее, девочки, а то движение задерживаем.

Кивнув, мы заскакиваем внутрь и после недолгой очереди сдаём куртки в гардероб, а затем направляемся следом за всеми в актовый зал. Меня, как всегда, одолевает мысль: вдруг кто-то обнаружит куклу? Было бы лучше взять сумочку или рюкзак, но Дара почувствует неладное, если кто-то задумает что-то плохое — предупредит своей тревогой или появится сама. Хоть говорить она пока не может, но дневник в кладовой нашла и «объяснила», чего хочет.

— Сначала будет представление, — поясняет Ника, — а потом что-то вроде дискотеки. Вот в этом зале.

Мы проходим сквозь помещение с небольшой сценой в углу и входим в двустворчатую дверь, где зрители уже рассаживаются. Артём с младшим братом сидят в самом последнем ряду; завидев нас, Марк машет обеими руками, указывая на свободные места рядом.

— Ну вооот, — протягивает Ника. — А я хотела впереди, чтобы поближе. Вы как всегда — интроверты-отшельники. — Она обиженно складывает руки на груди и плюхается в кресло.

Мы с Артёмом переглядываемся с улыбкой на её комментарии, и внутри у меня порхают бабочки.

— Наконец-то Муза прибыла, — бросает Марк. Он со мной разговаривает редко, но если уж скажет что-то, то обязательно про музу — в насмешку над Артёмом. Тот, в свою очередь, конечно, не реагирует. Хотя, честно признаться, мне приятно это слышать.

Усаживаюсь между Никой и Артёмом. Вдалеке вижу бабушку — она, конечно, в первом ряду, вместе с дядей Мишей. Цепляюсь взглядом за всех, кто входит в зал: знакомые лица соседей, совсем незнакомые люди. Сердце начинает отбивать ритм ещё до того, как входит Юля с матерью. Петровна, как всегда, тащит за собой ауру недовольства всем вокруг. Юля кажется безучастной — лишь один короткий взгляд в нашу сторону, когда они находят свободные места где-то в середине. Я слегка успокаиваюсь, видя, что ко мне у них нет никакого интереса. Артём тоже не выдаёт никакой реакции.

А вот Ника...

— Представление начинается — шепчет она многозначительно: то ли про концерт, то ли про Петровну с её дочерью. И сама тут же чуть вытягивает шею, будто кого-то высматривает.

Впереди нас садится незнакомая женщина, которая одаривает нас доброй улыбкой в знак приветствия. С ней девочка лет пяти — наверняка дочь. Красная мягкая игрушка-лошадка прижата к её груди. Женщина слегка оборачивается ко мне, наклоняется к дочке и что-то шепчет ей на ухо.

— Правда? — вскрикивает девочка и тут же встаёт ногами на кресло, чтобы повернуться и посмотреть, кто же сидит сзади. Увидев меня, её озаряет неподдельная детская улыбка.

— А ты Саша? — спрашивает она.

От неожиданности я оглядываюсь на друзей в поисках поддержки. Артём улыбается одними глазами, прикрывая рот рукой. А глаза Ники вспыхивают восторгом.

— Да. А тебя как зовут? — отвечаю маленькой незнакомке.

— А я Маруся. А это Красная Грива, — она поднимает игрушку повыше, чтобы я рассмотрела. Я только киваю, изображая удивление — хотя и правда удивлена. — А правда, что ты видела её?

— Эм... Кого? Гриву? — уточняю, не уверенная, что именно она имеет в виду.

— Ага! Мама говорила, ты видела! Это правда?

— Правда, — выдаю я, не зная, что ещё сказать. Её вопросы начинают меня смущать. Несколько человек рядом тоже поворачивают головы в мою сторону, изучают, шепчутся. Только не опять...

— Маруся, садись на кресло, нельзя стоять здесь в обуви, — наконец одёргивает её мама. Маруся надувает губы и скатывается обратно.

Я наклоняюсь к Нике:

— Тут что, все знают, что я видела Гриву? — шепчу ей в ухо.

— Наверняка, — пожимает плечами Ника, как будто я упомянула что-то обыденное, а не самый волшебный и мистический момент в моей жизни.

Свет в зале гаснет, и со сцены слышны первые аккорды. Выходит женский хор, который я уже видела летом на Ивана Купалу. Теперь от голосов веет предвкушением — они затронут сердца и унесут куда-то далеко, в прошлое.

Пара звонких новогодних песен, и на сцену выходят дети и подростки разных возрастов. Во время их песен загорается ёлка — мягкими, разноцветными огнями. В какой-то момент одна песня застревает во мне: простая, почти колыбельная: «Спи, ёлочка, до будущей зимы, мы тебя не забудем» — и почему-то щемит в груди. Другая, более задорная, заставляет при-топывать ногой. Дети водят хоровод, смеются, и ёлка мигает в такт музыке. Никакого Деда Мороза и Снегурочки с подарками — только песни, свет и тепло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.